

Анна Матвеева

Анна Матвеева

ПОДОЖДИ,
Я УМРУ—
И ПРИДУ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
МЗЗ

Художник — *Виктория Лебедева*

Фото автора на переплете — *Софи Кандаурофф*

Матвеева, Анна Александровна.

МЗЗ Подожди, я умру — и приду : [рассказы] / Анна Матвеева. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 283, [5] с. — (Проза Анны Матвеевой).

ISBN 978-5-17-112514-1

Анна Матвеева — автор романов «Перевал Дятлова, или Тайна девяти», «Завидное чувство Веры Стениной» и «Есть!», сборников рассказов «Девять девяностых», «Лолотта и другие парижские истории», «Горожане» и «Спрятанные реки». Финалист премий «Большая книга» и «Национальный бестселлер».

Герои историй Анны Матвеевой настойчиво ищут свое время и место. Влюбленная в одиннадцатиклассника учительница грезит Англией. Мальчик надеется, что родители снова будут вместе, а к нему, вместо выдуманного озера на сцене, вернется настоящее, и с ним — прежняя жизнь. Незаметно повзрослевшая девочка жалеет о неслучившемся прошлом, старая дева все еще ждет свое невозможное будущее. Жена неудачливого писателя обманывается мечтами о литературном Парнасе, а тот видит себя молодым, среди старых друзей. «Ведь нет страшнее, чем узнать свое *место и время*». Не менее страшно — знать, и не уметь его найти.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112514-1

© Матвеева А.А.
© ООО «Издательство АСТ»

*Светлой памяти моего отца, профессора
Александра Константиновича Матвеева*

На озере

Мама сказала, что мне понравится, а я сначала подумал, что это будет опять то же самое озеро, на которое мы ездили вместе с папой, летом. Но потом я подумал, что папы здесь нет и к тому озеру ехать очень далеко — опять надо будет лететь в самолете. В самолете мне понравилось, только уши болели, когда он взлетал, и мама ругалась, когда я случайно мешал дядьке в соседнем кресле. А летом мы ехали к озеру на папиной машине, и мама молчала всю дорогу, и на озере тоже не разговаривала. Ей не понравились комары и то, что я случайно провалился под воду и папа меня доставал, я весь был потом мокрый, и папа разводил костер, чтобы меня высушить. Маме костер понравился, она всё время сидела около него и вздыхала, а папа говорил, что, наверное, ездить на озеро не стоило, лето получилось холодное.

...Здесь, в Петербурге, мама всегда надевает юбки и бусы и становится почти такая же красивая, как Ольга Витальевна, наш классный руководитель. Ольга Витальевна сказала, что мама зря решила перевести меня в другую школу посреди первого

класса, но мама сказала, что уж как-нибудь сама разберется, без Ольги Витальевны, и что я проведу зимние каникулы в Петербурге, привыкну там ко всему и адаптируюсь. Папа сказал, что адаптироваться — это почувствовать себя в своей тарелке. Мама сказала, что папа всегда всё слишком сложно объясняет и что ребенку трудно понять, что такое «в своей тарелке». Но я знаю: «в своей тарелке» — это фразеологический оборот, нам объясняла Ольга Витальевна. У нас в школе была очень сложная программа, а в Петербурге, говорят, еще сложнее. Но Ольга Витальевна сказала, что я справлюсь и что я должен быть сильным.

Озеро, на которое мы едем в Петербурге, находится в театре — мама говорит, что в этот театр обычно пускают одних только иностранцев, потому что это бывший царский театр, маленький, и много народу туда не влезает. Билеты ей принесли на новой работе, из-за которой мама решила переехать в Петербург.

Пока мы здесь не устроились, живем в маленькой чужой квартире, где пахнет чужими вещами и кошкой, и ездим в ужасно глубоком метро — даже не видно дна. Ольга Витальевна говорила, что это самое глубокое метро в мире. В метро я смотрю, как моя рука догоняет мамину на поручне, хотя я рукой совсем почти не двигаю.

На Дворцовой площади мама заставила меня вставать сначала на фоне колонны, потом на фоне арки, а потом — на фоне зеленого дворца. В этом дворце музей, а раньше здесь жил царь с дочками и сыном. Ленин — которому в нашем городе стоит

памятник на площади с елкой — устроил в Петербурге революцию, царя с дочками и сыном увезли к нам на Урал, застрелили, а потом сожгли. Папа возил меня на Ганину Яму, где сжигали царя, — я думал, это просто большая яма, а на самом деле там много маленьких деревянных церквей с такими же зелеными, как этот дворец, крышами. Внутри темно, печка и бородатые старики запрещают бегать и громко спрашивать у папы, можно ли поставить свечку, а потом задуть. Яму почти не видно, вокруг нее деревянные мостики и большой крест в честь царя. Я не могу сложить в голове того царя, из дворца, с этим — с Ганиной Ямы, мне всё время кажется, что это были совсем разные люди.

Про революцию, Ленина и царя мне рассказывал папа, и теперь я не хочу слушать, как мне всё то же самое, только скучнее, рассказывает Глебсон. Он на самом деле Глеб Борисович, мамин друг, но мы в школе одного Глеба из третьего класса дразнили Глебсоном, и этого Борисовича я тоже называю Глебсоном, когда он и мама не слышат. Ольга Витальевна говорит, что это значит — говорить про себя, хотя я-то говорю не про себя, а про Глебсона... Так вот, я не хочу слушать, как Глебсон рассказывает папину историю своим писклявым голосом, и не хочу смотреть, как он показывает варежкой на дворец, и не хочу фотографироваться, когда он достает камеру.

— Петенька, встань сюда, солнышко! — это мама.

— Петр, приготовься, снимаю, — это пищит Глебсон. У него голос как у того комментатора лыжного,

над которым мы всегда смеялись с папой: голос как у комара.

Я натягиваю на лицо шапку, так что на снимке будет одежда без человека на фоне зеленого дворца. Я вообще-то не хотел переезжать в Петербург, и на это озеро с Глебсоном и мамой я тоже идти не хочу.

Глебсон обиженно цыкает, мама злится, наклоняется ко мне, я уже знаю, что она сейчас сделает — схватит мою руку и выпустит в нее ногти, как будто кошка.

У моей мамы сразу две профессии: она детский психолог и еще — сапожник без сапог. Это она сама так про себя говорит. И еще она говорит, что часто поступает со мной неправильно, не так, как советует поступать с детьми другим родителям.

Я очень люблю свою маму. Мамочка, я тебя люблю. А вот ты меня не любишь, потому что заставляешь ходить по Петербургу с Глебсоном и фотографироваться на каждом углу.

Мимо нас проехала розовая карета.

— Какой китч, Жанночка, не находишь? — радостно спрашивает Глебсон. Этот Глебсон больше похож на тетеньку, чем на мужчину, как тот комментатор-комар.

— Да, это не очень по-петербуржски, — отвечает мама, волоча меня за руку мимо толстой лошади с длинной, как у Ленки Караваевой, челкой. Ленка Караваева обещала написать мне электронное письмо, но мама только собирается купить домой компьютер.

Мы свернули направо, там — то озеро, которое обещала мама. На самом деле там река Нева: лед

в ней стоит маленьким дыбом; если спуститься туда, к воде, и сфотографироваться, а потом прислать снимок папе и в школу, то никто не поверит, что я в Петербурге. Все подумают, что я в Антарктиде.

Вот бы Глебсон сфоткал меня там, у лесенок! Я бегу вниз скорее, пока они не опомнились, но Глебсон верещит:

— Ах, Жанночка, он у тебя такой... лихой! Как же с ним справиться?

Мама догоняет меня на последней ступеньке и с размаху шлепает по плечу. Не больно. Даже не обидно. Обидно, что фотографии из Антарктиды не будет.

— Мы идем в театр, Петя! В театр, понимаешь? На «Лебединое озеро». А ты, не думая о новых брюках, бежишь к воде.

— Не говоря уже о том, — добавляет Глебсон, — что это очень опасно, Петр. У нас в Санкт-Петербурге *регулярно* гибнут люди во время *лэдохода*.

Глебсон скачет рядом с мамой, у него совершенно идиотская походка, и мне не нравится, как он всё время дышит тяжело, с открытым ртом. У него какой-то вечный насморк. И волосы стоят большим дыбом.

Театр с озером совершенно не похож на театр — просто дверь во дворец, с набережной. На другом берегу, там, где крепость, — большая надпись из ледяных букв — «С Ровым годом!».

— Это они уже переставляют, под Рождество, — объясняет Глебсон, — если написать в одну строчку «сновымгодом» и «срождеством», то ты увидишь, что количество букв одинаковое.

Мой папа в таких случаях говорит: «Отлично объясняешь, брат, как раз понятно для ребенка». Но я, если честно, понимаю, что Глебсон хотел сказать, и мне даже становится его немножко жалко. Он ужасно хочет мне понравиться, но не для меня, а для мамы. Я закрываю глаза и представляю, что на месте Глебсона — папа, это с ним мы идем по заледеневшей набережной Невы, и мама улыбается ему, а не Глебсону. Точно так же здесь, в Петербурге, я ложусь спать на чужом старом диване и представляю себе, что на самом деле лежу дома, в своей кровати, и на стене — старая бабушкина икона, и часы с шишечками, и за стеной папа смотрит биатлон. Пока лежишь, пока темно, в это можно запросто поверить: ночью всё возвращается, и я — как будто! — снова дома.

Глебсон сказал, что кресла в этом театре надо занимать самим, как в трамвае, — потому что на билетах нет никаких мест. Мама улыбается, но я вижу, что ей это не очень нравится: она не любит бежать впереди всех или обманывать, что стояла в очереди, папа всегда сердится на нее в самолете, что она сидит до самого последнего пассажира и выходит чуть ли не вместе с пилотами. Зато папе, наверное, понравилось бы, как Глебсон бежит впереди всех и даже легонько толкает китайскую женщину в бок — и потом машет нам из гардероба, и очки у него блестят счастливыми кругляшками. Глебсон на ходу уже стащил с себя куртку и красный шарфик и теперь одной рукой пытается взять у мамы шубу. Китайская женщина смотрит на Глебсона

с обидой, но он уже мчится в зал, ему надо занимать места. Озера никакого пока не видно, но я уже понял, что оно будет на сцене. Когда мы с мамой заходим в маленький круглый зал с красивым занавесом, ушастая голова Глебсона оборачивается к нам с первого ряда. Мы сидим так близко, что как будто оказываемся среди музыкантов — правда, из музыкантов пришли только две девушки с дудками и скрипач.

— Жанночка, хочешь анекдот про скрипача? — жарко шепчет Глебсон маме на ухо, перевалившись через меня. Мелкие капельки Глебсоновой слюны летят по воздуху, я уклоняюсь от них, но всё-таки прислушиваюсь — вообще-то, я очень люблю анекдоты. Я их читаю в «Ералаше», когда мама мне его покупает, а вот Ольга Витальевна говорит, что рассказывать анекдоты не всегда прилично.

Глебсон рассказывает непонятный анекдот про мышинный оркестр — что один мужик решил набрать целый оркестр мышей, и вот на всех инструментах у него играют мыши, и только на первой скрипке — еврей. Я не понимаю, что смешного, и мама тоже смеется ненастоящим смехом — когда рот улыбается, а глаза смотрят серьезно и даже обиженно. Как раз в этот момент в зал приходят музыканты и главный скрипач, которого все остальные уважительно трясут за руку. Вначале я подумал, что это дирижер — мама объясняла, что на озере будет дирижер, и, когда он обернется, надо хлопать.

Все и так хлопают — китайская женщина, которая сидит рядом с Глебсоном, даже подняла руки выше головы. Дирижер тоже поднимает руки, буд-

то сдается своим музыкантам, и начинается музыка.

У нас в школе на уроках музыки мы проходили композитора Чайковского, и Ленка Каравеева по ошибке сказала, что его зовут Корней Иванович. А мне на том уроке записали в дневнике «Дерется ногами!!!», хотя мы с Пашкой не дрались, а просто замеряли, кто кого первый достанет через проход.

Музыка красивая, но идет ужасно долго, а Глебсон за моей спиной пытается ухватить маму за плечо. Мне скучно, я думал, что на озере будет интереснее. Наконец занавес открывается, но там опять нет озера, а ходят на носочках худые и длинные люди.

— Это принц Зигфрид, — шепотом пищит мне в ухо Глебсон и показывает пальцем на самого тощего из всех на сцене — он еще и в белых колготках и с нарумяненными щеками. Очень противный, а на сцене все с ним так вежливо обращаются и танцуют вокруг него, хотя видно, что этому принцу Зигфриду на них наплевать. Он так поджимает губки и высоко задирает свои ноги в колготках, что я начинаю смеяться, и мама дергает меня за руку.

— Петр, — шепчет Глебсон, — это гениальная постановка, поверь.

Молодец, брат, как раз понятно для ребенка, думаю я и заставляю себя смотреть на сцену, хотя там почти ничего не меняется — колготочник Зигфрид всё так же выделяется перед своими гостями, а потом его мама-королева дарит ему настоящий арбалет. И как вы думаете, он обрадовался

этому арбалету? Он начал так скакать, так размахивать руками и ногами, что чуть не вылетел, честное слово, со сцены — я даже испугался за музыкантов, ведь Зигфрид скакал прямо у них над головами. Мне понравилась из музыкантов одна девушка с дудкой (Глебсон сказал, это флейта), она когда начинала играть, всегда видно было, какая она на самом деле веселая, а когда она не играла, то тихонько разговаривала со своей соседкой, и дирижер — я видел! — строго смотрел на них, как Ольга Витальевна иногда смотрит на нас с Караваевой.

— Петр, если высидишь, — снова Глебсон в моем ухе, — я тебя с мамой поведу в ресторан на Невском — это настоящий викингский ресторан, там есть доспехи и шкуры на стенках.

Я хочу в викингский ресторан, и пытаюсь перестать вздыхать, и хлопаю вместе со всеми, пока Зигфрид подглядывает за девушками в белых юбках. Это девушки-лебеди, а у него в руках арбалет, сейчас как пальнет!..

Китайская женщина тем временем засыпает и заметно кренится во сне в сторону Глебсона. Он вздрагивает, китайская женщина просыпается, и тут занавес на секундочку закрывается. Все хлопают, Глебсон пищит: «Браво!» — и потом объясняет маме:

— Зигфрид сегодня исключительный!

Исключительный Зигфрид уже снова стоит на сцене, и, главное, там теперь озеро! Я вытягиваю шею, но не вижу ни костра, ни волн, а только музыка играет так печально, что мне хочется плакать